

УДК 908

Елисеев В.В.¹

ДЕТСТВО ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ
МБУ ДО ДЮЦ «РИТМ» пос. Добринка Липецкой области

Eliseev V.V.

CHILDHOOD FOR THE BARBED WIRE
MBU TO DUC "RHYTHM" pos. Dobrinka of the Lipetsk region

Реферат: Автор рассматривает систему детских концлагерей, возникших после подавление крестьянских восстаний большевиками в 1922-24 гг. в Тамбовском регионе.

Ключевые слова: советская власть, крестьянские восстания, детские концлагеря, Антоновщина.

Abstract: The author considers the system of children's concentration camps that arose after the suppression of peasant uprisings by the Bolsheviks in 1922-24. in the Tambov region.

Keywords: Soviet power, peasant uprisings, children's concentration camps.

¹ Елисеев Виктор Владимирович – сотрудник МБУ ДО ДЮЦ «РИТМ» пос. Добринка Липецкой области, Липецкое областное краеведческое общество, член Союза журналистов РФ.

В 1920-1921 гг. на Тамбовщине происходила крестьянская война, более известная как Антоновщина. Это был крупнейший факт всей после октябрьской истории не только Тамбовского края, но и нашей страны. Это восстание по своим масштабам, по политическому резонансу и последствиям явилось событием огромной общероссийской значимости. Мощный социальный взрыв вынудил государственную власть в лице большевиков к безотлагательному поиску принципиально новых путей выхода из глубокого общественно го кризиса, в котором оказалась тогдашняя советская Россия [6, с. 197-199].

Антоновщина всегда привлекала внимание исследователей той эпохи. Она нашла свое отражение и в художественной литературе. Здесь стоит вспомнить о романе Николая Вирты «Одиночество». Антоновщину, строго говоря, нельзя отнести к «белым пятнам» истории нашего Отечества. Только в библиографическом указателе А. А. Соболевой «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920-1921 годы)» включено 795 наименований опубликованных книг, брошюр, статей и отдельных документов. Но при этом следует отметить, что популярность исторической темы, которой является Антоновщина, еще не есть залог ее плодотворного познания. Долгие годы пропагандистские мифы и стереотипы заслоняли подлинную картину народной драмы, искажали ее суть, как посредством тенденциоз-

ного подбора источников, так и сугубо тенденциозным их освещением.

И, конечно, еще «белым пятном» оставалось и остается по наш день тема о концлагерях, которые, словно грибы после дождя, появились на многострадальной Тамбовщине. Власти и исследователи никогда о них не упоминали, ибо они были не только укором, но и настоящим обвинением «гуманной советской власти». А сообщать о том, что в них томились дети - «цветы жизни», было двойным обвинением, позором для власти придержащей. О концентрационных лагерях мы хорошо наслышаны из курса истории. Бухенвальд, Заксенхаузен, Освенцим, Майданек, Трешлинка и другие концлагеря, где было уничтожено одиннадцать миллионов граждан Европы, - обвинение германскому фашизму. Большевики создали концентрационные лагеря на Тамбовщине за десяток лет до гитлеровцев, и содержали в них не только взрослое население как заложников, но и детей.

Впервые вопрос о создании концлагерей на Тамбовщине был поднят 10 января 1921 г. на президиуме губернской ЧК. Тройка в составе Громова, Гвоздева и Заславского «постановила» запросить Липецкий увоенком о предоставлении барачного городка «арестованных... в районе восстания в Тамбовской губернии». Здесь же было решено создать «комиссию по фильтрации пленных...». Власти беспощадно еще до создания концлагерей применяли различные «формы» борьбы с повстанцами. Среди них

«изъятие заложников «бандитов». Брали не только взрослых, но и детей. Приказом командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского (приказ № 14 от 15 мая 1921 г.) повелевалось «...в случае отсутствия бандита берется заложником вся его семья для заключения в концентрационный лагерь...» [8, л. 7]. Другой приказ Тухачевского (№ 109 опс) повелевал «... семьи первой и второй категории (к первой относились члены комитета Союза трудового крестьянства - от волостного и «выше», организаторы «банд», шпионы, бандитский «комсостав», все «бандитские политрабработники»; ко второй категории - члены селькомов СТК, комсостав ниже полка, «бандиты», воевавшие не менее месяца «с оружием в руках», «бандитская милиция», главари местных «банд», взятые в качестве заложников, в случае неявки разыскиваемого – подлежат высылке вглубь России на принудительные работы...» [8, л. 8].

11 июня 1921 г. Тухачевский вкуче с председателем Полномочной комиссии ВЦИК издают приказ № 171, более суровый и беспощадный не только к «бандитам», но и к населению. Согласно его, в селении, где находили оружие, брались заложники и расстреливались в случае не сдачи оружия. В случае нахождения оружия расстреливали без суда «старшего работника в семье». Если в доме укрывался «бандит», то члены семьи рассматривались как «бандиты», их имущество конфисковалось, сами они не только арестовывались, но и высылались. Старшего

«работника» расстреливали. Если семья «бандита» бежала, то дом сжигался или разбирался, а имущество делилось. И власти не церемонились с «бандитами». Сельские сходки «добровольно» исключали из своего состава целые семьи, забывая при этом, что в них были маленькие дети. Многих заключали в концлагеря. По данным на 9 июня 1921 г. в концлагерях Тамбовщины находилось «налицо» 1605 человек. Это были только «бандиты», «шпионы», «дезертиры», «агитаторы» [2, л. 538].

На первое августа 1921 г. на Тамбовщине насчитывалось десять концлагерей: Тамбовский № 1, Тамбовский № 2, Борисоглебский № 1, Борисоглебский № 2, Моршанский № 1, Моршанский № 2, Козловский, Кирсановский, Инжавинский и Сампурский. Только в одном Кирсановском концлагере на 21 июня 1921 г. находилось 1013 человек. Среди них семьи заложников «бандитов» и «родственников». Таких насчитывалось 318 человек [3, л. 700].

Власти, проводя репрессии, не предвидели такого большого скопления народа в концлагерях. Уже 22 июня 1921 г. «забил тревогу» заведующий губернским управлением принудительных работ В. Г. Белугин. Василий Георгиевич был не только заведующим, но и членом Комиссии по содержанию детей-заложников в концлагерях. Еще 1 июня 1921 г. Полномочная комиссия ВЦИК издала указ о милитаризации губернского управления принудительных работ и подчинение его особому отделу войск РВС в Там-

бовской губернии. К этому времени насчитывалось всего семь лагерей - в Тамбове, Борисоглебске, Козлове, Кирсанове, Моршанске, Сампуре и Инжавино. Все концентрационные лагеря были стожи между собой: «солдатские палатки, обнесенные вокруг проволочными ограждениями» [3, л. 700]. Все, кто поступал сюда, содержались непродолжительный промежуток времени, после чего «эшелонами» отправлялись вглубь страны. «Бандитов» отправляли по «мере накопления», заложников - после двухнедельного пребывания. За этот срок, если «бандит» являлся с повинной, то семья освобождалась. В качестве заложников брались «ближайшие родственники», причем «берутся они, целиком, семьями, без различия пола и возраста». В концлагеря «поступает большое количество детей», начиная с «самого раннего возраста, даже грудные». Содержание малолетних детей ставило «администрацию лагерей в самое затруднительное положение...» [3, л. 35]. Палатки располагались на «голой земле», и последствия могли быть печальными. Среди детей стали часто свирепствовать массовые заболевания. На 22 июня 1921 г. в семи концлагерях насчитывалось более 13 тысяч человек. Общая их вместимость предполагала 13500 человек. Только 20 июня 1921 г. в концлагеря поступило до шести тысяч заключенных. Среди них большинство было детей. Кроме того, в этих концлагерях были люди, осужденные за «преступления по должности, воровство, спекуляцию...» - лица, отбывавшие на-

казания «за преступления общего характера». Можно себе представить какое «поле деятельности» было для уголовного мира. Преступники могли здесь смело «ковать» кадры новых уголовников из детей. Межведомственная губернская комиссия по содержанию детей - заложников в концлагерях губернии, конечно, была встревожена не на шутку, обеспокоена «наплывом» детей в концлагерях. 27 июня 1921 г. состоялось ее заседание. Ввиду «большого наплыва в концентрационно - полевые лагеря малолетних, начиная с грудных детей, и не приспособленности этих лагерей к длительному содержанию детей, последствием чего явились заболевания желудочного и простудного характера», комиссия пришла к «выводу», что детей - заложников 15-летнего возраста «включительно» необходимо содержать отдельно от взрослых в особых помещениях, жилых домах или бараках, «...отнюдь не в палатках - по возможности в черте лагеря...». В «крайних случаях» только с согласия местных органов особого отдела, дети могли содержаться в прилегающих к лагерю строениях. Но при этом все строения должны были охраняться стражей». Комиссия поступила «гуманно», порекомендовав чтобы при детях - заложниках до 3-летнего возраста «включительно» имеют право находится и их матери - заложницы...» [10, л. 111].

Комиссия решила, что дети - заложники должны «удовлетворяться пищевым довольствием... по нормам, установленными соответственно возрасту детей в домах матери и

ребенка в детских домах...» и продовольствие должны были отпускать местные продорганы по нормам здраводелов и отделов детского питания. На завотсовхозов была возложена обязанность выделения «определенного количества коров» для снабжения молоком детей - заложников и кормящих матерей по нормам, которые были установлены губернским здраводелом. Губздравотдел «обязывали» выделить «достаточное количество» медицинского персонала и медикаментов и принять «самые срочные и энергичные меры предохранительного характера по борьбе с заболеваниями, (ответственность - Авт.) возложить лично на каждого выделенного для этой цели медицинского работника...». Всем учреждениям на местах было предписано оказывать всемерное содействие « в деле борьбы с заболеваниями в лагерях». Для практического проведения в жизнь « всех пунктов заседания комиссии», было решено образовать на местах междуведомственные комиссии в составе представителей от местного органа особого отдела и представителя губпринудработ при лагере, уздравотдела и отдела наробраза. Наполняемость концлагерей была такой, что уполномоченная комиссия ВЦИК во главе с В.А. Антоновым-Овсеенко 11 июля 1921 г. «совершенно секретно» решила детей «устроить в домах, если можно- использовать для этого церкви...». «Секретный порядок» предписывал «избегать брать детей «заложниками» [7, л. 28].

В «беспощадной борьбе с бандитизмом» порой «забывали» все секретные предписания «власти придержащей», продолжая хватать заложниками детей. 27 июля 1921 г. общее собрание граждан деревни Николаевка Куньевской волости Тамбовского уезда «исключила из общества и передала революционным властям как совершенно не нужную нам...» «семью бандита» Василия Корнеева, состоящую из 15 человек. Десять человек в ней насчитывали дети. И «передали с условием, чтобы никто из Корнеевых никогда не возвращался в нашу деревню». Также было решено поступить и с их «потомками». Такая же участь ждала за укрывательство «всяких гадов» семью Степана Ефимова: «В Николаевке нет и не будет места и никакой пощады семьям, воспитывающим отмстителей за бандитов». Обе эти семьи первоначально ждал концлагерь, а затем высылка вглубь страны [1, л. 20].

Страшась массовых эпидемий - тифа, холеры, дизентерии власти продолжали «разгружать» лагеря. 28 июля 1921 г. в концлагерях насчитывалось 3567 заключенных. Этот контингент делился по нескольким категориям: «бандиты и дезертиры» - 1999 человек, «трудоспособные мужчины» - 257 человек, «трудоспособные женщины» - 220 человек, «нетрудоспособные женщины» - 242 человека и «нетрудоспособные мужчины» - 248 человек. Кроме того, в лагерях насчитывалась 241 мать. Но самый большой костяк заключенных по - прежнему, составляли дети, которых насчитывалось 457 человек в

возрасте от 1 года до 10 лет. Власти уже побаивались брать заложниками грудных младенцев. Взрослых «бандитов» отправляли вглубь страны, а «матерей с детьми в возрасте от 1 года до 10 лет решено было освободить, оставляя заложниками на месте», сообщив об этом ревкомам, которые взяли бы их на учет [7, л. 28].

В лагерях начались вспышки эпидемий. Особенно страдали дети. 30 июля 1921 г. на свое заседание в экстренном порядке собралась Кирсановская уездная комиссия по борьбе с холерой. Рассматривался здесь вопрос и о положении детей в местном концлагере. Выступивший врач Берлин рассказал собравшимся «о положении» в концлагере, коснувшись особенно 2-го заразного барака. Члены комиссии были напуганы не на шутку. Уезд в любую минуту мог быть охвачен холерой. Поэтому «ввиду того, что положение с детьми создается крайне катастрофическое, признать самой радикальной мерой удаление детей из уезда...». Детей-заложников, а, по сути, саму эпидемию было решено по видимому распространить не только в губернии, но и во многих регионах страны. Для борьбы с незваной гостью члены комиссии спешили «принять неотложные меры» - увеличить санитарный надзор, медицинский персонал, открыть баню и дезинфекционную камеру [5, л. 19].

31 июля 1921 г. вновь на заседание собрались члены Междуведомственной комиссии, где решался вопрос о содержании детей - заложников в концлагерях. Председателем комиссии был некто Подгурский, а

ее членами «товарищи» Белугин, Васильева, Лукина, Семенова и секретарь Вакар. Они и решали дальнейшую судьбу детей. Было решено ходатайствовать перед особым отделом об освобождении беременных женщин и малолетних детей. И это несмотря на то, что была секретная инструкция Полномочной комиссии ВЦИК об освобождении. Было удивительно, что до сих пор не были составлены списки беременных женщин, грудных младенцев, круглых сирот и детей - заложников, томящихся в концлагерях. Удивителен и тот факт, что их родственники – «бандиты» добровольно уже сдались властям, а их по-прежнему удерживали в лагерях. Междуведомственная комиссия при Козловском концлагере в своем протоколе № 2 от 21 июля 1921 г. приняла решение о передаче детей-заложников в ведение Нарообраза, но губернская комиссия решила «разъяснить» козловцам, что дети – заложники по - прежнему «должны оставаться в ведении особого отдела и губпринудработ...» [5, л. 19].

Напуганные эпидемиями, члены Междуведомственной комиссии решили снабдить концлагеря...баками для кипяченной воды. Причем таких баков не было в наличии, и их можно было получить только «за счет расформированных лазаретов». В лагерях не хватало одежды, «имущества». И вновь было решено «имущество закрываемых лазаретов забронировать за междуведомственными комиссиями при концлагерях для содержащихся в лагерях детей-заложников, сообразно

их количеству в каждом отдельном лагере...» [5, л. 19]. В Кирсановском концлагере одно помещение было отдано первоначально для детей - заложников, но вскоре его было решено «обратить под другие нужды...» [5, л. 19]. Правда, губернская Междуведомственная комиссия на своем заседании решила просить «особый отдел оставить временно помещение, занимаемое детьми - заложниками в Кирсанове, за ними до разгрузки Кирсановского лагеря от детей - заложников» [5, л. 19].

Власти особо и не стремились «разгрузить» концентрационные лагеря от детей-заложников. Согласно таблицы, составленной уполномоченной по улучшению жизни детей при Тамбовском губисполкоме Е. Васильевой на 1 августа 1921 г., картина выглядит весьма страшной [9, л. 256].

Таблица. Распределение детей в концентрационных лагерях.

Наименование концлагеря	Детей до 3-х лет	Детей до 5 лет	Итого	Примечания
Тамбовский № 1	74	147	221	Сведения точные, абсолютные.
Тамбовский № 2	3	-	3	
Борисоглебский № 3	-	-	-	
Борисоглебский № 4	25	76	101	Сведения не абсолютно точные, так как представляются с большим опозданием, тогда как в лагерях происходят постоянные перегруппировки, к числу которых относятся и дети.
Моршанский № 5	3	8	11	
Моршанский № 6	Сведений нет	Сведений нет	Сведений нет	
Козловский № 7	10	15	25	
Кирсановский № 8	130	50	180	
Инжавинский № 9	2	14	16	
Сампурский № 10	150	450	600	
Всего	397	758	1155	

Как видим, в десяти концлагерях Тамбовщины по неполным сведениям за колючей проволокой томилось 1155 детей. Костяк из них - дети до 5 лет, которых насчитывалось 758 человек. К сожалению, других сведений о более старшем воз-

расте детей от 5 лет до 18 годов, архивы не сохранили. Дети продолжали томиться за колючей проволокой, несмотря на то, что Антоновщина уже была подавлена в крови, многие из родителей детей - заложников добровольно, а кто и по амнистии

вернулся к мирной жизни. Другие сами спешили угодить в концлагерь с той целью, чтобы их близких поскорее выпустили из лагерей. Через год будут убиты чекистами А.С. Антонов и его брат Дмитрий, а тамбовские крестьяне и их дети по-прежнему удерживались в концлагерях.

И последним таким криком отчаявшихся «антоновцев» - заложников является письмо – прошение заключенных Кожуховского лагеря (станция Кожухово Московской губернии - Авт.) наркому юстиции Д. И.

Курскому.

Оно датируется 14 сентября 1921 г. Выборные от барачников старосты Акулина Калодина и Агафья Сатина (последняя была неграмотной и за нее «по ея личной просьбе расписался Ф. Скворцов» - Авт.) сообщали наркому, что в Кожуховском лагере находятся заложники из трех уездов губернии - Кирсановского, Козловского и Тамбовского. Арестовали их еще в июне 1921 г. и «...уже четвертый месяц, как мы, старики, беременные женщины, малые дети, находимся в непривычно тяжелых для нас условиях: голодаем, боеем, и среди детей были уже смертные случаи...» [4, л. 655].

По словам заключенных, они не ведали «за что арестованы, мы совершенно, как темные люди, не можем понять, так же не понятно для нас и то, что более здоровые члены наших и других семей находятся на свободе, а мы, больные старики, дети и их матери, находимся в лагерьях...». Наступали холода и тамбовские узники были без одеж-

ды, обуви, так как «при аресте нам не дали возможности взять с собой что - либо, да мы, откровенно сознаемся, как не виновные, думали, что наш арест будет очень непродолжительным, но оказалось, наоборот...». Власти даже не желали выяснять, за что же они арестованы. В прошении отмечалось, что тамбовские заложники «как вечные труженики, должны бы усилить свой труд в возделывании земли, дабы этим самым принести существенную поддержку в наступившую голодную годину нашей рабоче-крестьянской власти...». А крестьян - заложников Кожуховского лагеря «...делают паразитами, заставляя сидеть без пользы и вины...». Крестьяне надеялись на «справедливость и милосердие нашей рабоче - крестьянской власти...мы будем освобождены, нам не дадут испытывать всех ужасов холодной и голодной жизни, особенно детям...». Оказывается, что заключенные Кожуховского концлагеря до этого еще находились в Козловском концлагере и прибыли в Кожуховский лагерь 24 июля 1921 г. К заключению в концлагерь их приговорила 4 - я боевая «тройка» [4, л. 655].

Говоря о «справедливости», «гуманности», «демократии», о заботе о «цветах жизни» - детях, советская власть на самом деле загоняла тысячи малолетних и подростков в концлагерь, за колючую проволоку. Это очень страшно. Страшно, когда власть воюет с собственным народом. Но втройне, в десятки раз страшно, когда война объявлена своему будущему - детям.

Список литературы

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.-Р. - 4049. Оп. 1. Д. 11.
2. ГАТО. Ф.-Р. - 4049. Оп. 1. Д. 31.
3. ГАТО. Ф.-Р. - 4049. Оп. 1. Д. 34.
4. ГАТО. Ф.-Р. - 4049. Оп. 1. Д. 383.
5. ГАТО. Ф.-Р. - 4049. Оп. 1. Д. 703.
6. Ляпин Д.А. История Елецкого края с древнейших времен до 1991 г. Елец: Верстовой. 2014. - 240 с.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 235. Оп. 2. Д. 13.
8. РГВИА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 16.
9. РГВИА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 315.
10. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1039.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti (GATO). F.-R. - 4049. Op. 1. D. 11.
2. GATO. F.-R. - 4049. Op. 1. D. 31.
3. GATO. F.-R. - 4049. Op. 1. D. 34.
4. GATO. F.-R. - 4049. Op. 1. D. 383.
5. GATO. F.-R. - 4049. Op. 1. D. 703.
6. Lyapin D.A. Istoriya Eleckogo kraja s drevnejshih vremen do 1991 g. Elec: Verstovoj. 2014. - 240 s.
7. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 235. Op. 2. D. 13.
8. RGVIA. F. 235. Op. 2. D. 16.
9. RGVIA. F. 235. Op. 2. D. 315.
10. Centr dokumentacii novejshej istorii Tambovskoj oblasti (CDNITO). F. 840. Op. 1. D. 1039.